

Маргарита Лёгкая
Дневник стюардессы

Маргарита Лёгкая

Дневник стюардессы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24916663

ISBN 9785448546709

Аннотация

Правдивая история о самой романтичной профессии. Дневник-путешествие по миру и одной судьбе. Рассказ о том, чем живут люди, проводящие в небе по 800 часов в год. Рассказ о людях, чей взгляд вам бывает нужнее всего на высоте 11 тысяч метров над землей...

Содержание

Дневник стюардессы	5
Стакан воды и не только	6
Про томатный	9
Дели	10
Гавана	23
Гавана. 6 лет спустя	25
Назад	30
Девушка с зелеными глазами	33
Опять хочу в Париж	35
Про юмор на борту	37
Человек и пароход	38
Быль-байка	39
На Берлин!	40
Про хоккей и авиацию	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дневник стюардессы

Маргарита Лёгкая

© Маргарита Лёгкая, 2017

ISBN 978-5-4485-4670-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дневник стюардессы

или все о моей работе

Это был просто мой дневник, который я писала для себя в течение года. Просто честные записи о любимой работе, в которой много тяжелого труда. Но близкие люди сказали: попробуй выпустить в свет, возможно, кому-то станет интересно что творится за кулисами самой романтической профессии неба. Вот и выпускаю кусочек своей интересной судьбы, в котором переплелись города и мысли. Наверное, эта самолетная книга будет хорошо читаться в длинном перелете или в часовых пересадках транзитных аэропортов. Полетели...

Стакан воды и не только

Когда в самолете под триста человек, а вас только восемь, а лететь лишь два сорок, и всех надо успеть накормить – напоить, все убрать, сложить, посчитать, написать. По ходу дела принести еще десять пледов, сто двадцать стаканов воды и пять раз таблеточку, или газеточку. Так иногда закрутишься, что забываешь что-нибудь кому-нибудь принести. Отвлекаешься и все, в голове загорается лампочка «сделано», и из памяти все удаляется.

Есть люди, которые смеясь, говорят – девушка, ну вы же обещали! Ой, да-да, простите – извините, сейчас сбегаю. А есть такие «редиски». Будет сидеть весь рейс и думать, что ему специально не несут воды, потому что хотят унижить, и в конце рейса он с издевкой:

– А воды – то вы мне так и не принесли!

Блин, а у тебя руки – ноги есть? Видишь, стюардесса носится невменяемая, свой подними многоуважаемый зад и донеси его 10 шагов до кухни, где уж точно никто не отмажется делами и точно нальют все, что найдут. Нет, будет ждаться и копиться бешенство.

А есть еще такой вариант-ничего не скажет, только потом по интернету напишет жалобу, к тому времени его раздражение и воображение уже разойдется на всю катушку, и в эту жалобу он включит и то, что в туалете грязно, и сок мутный,

что рыба воняет, а стюардесса старая (или наоборот, рыба старая, стюардесса воняет).

Вот так один стакан воды может разрушить карьеру...

Доходит иногда до смешного. Приходишь домой и рассказываешь мужу, как рейс прошел и тут на фразе: «У одного дяденьки часы как у тебя видела» тебя осеняет – ой – ё, тот дяденька ведь воды просил!

Вот еще, любимое нашими проводниками, встречается через рейс.

Обслуживаем напитками, перечисляем каждому то, что есть:

– Сок томатный, апельсиновый, яблочный, вода минеральная, пепси, спрайт. Что вам налить?

– Мне ...м – м-м... ПЕРСИКОВЫЙ, пожалуйста, – отвечают тебе с искренней улыбкой. Неопытная стюардесса со злобой прошипит:

– Я же ясно сказала, какой сок у меня есть: апельсиновый, томатный, яблочный...

Но мы уже опытные и понимаем, что человек совсем (или почти) не издевается. Терпеливо и по слогам повторяем: томатный, апельсиновый, яблочный.

В ответ получаем:

– А что, ПЕРСИКОВОГО нет? – и в очередной раз в душе весело смеемся.

Это возможно не было бы так смешно, если бы было еди-

ничным случаем, или просили бы каждый раз разный сок, но непременно на любой трассе вылезает пресловутый «персиковый». Подозреваю, что это своеобразный привет от наших «братьев по оружию» из других авиакомпаний, у кого – то из них видимо распространяется на борту этот замечательный напиток.

Про томатный

По себе знаю, как сильно в самолете хочется томатного сока. Причем, на земле ты про него попросту забываешь, но стоит взлететь, как остро хочется его, да так, чтобы посолить, поперчить и кубик льда, и дольку лимона, у-уф.

Но именно в самолете он вреден для желудка, от него своеобразный эффект гармошки. Все очереди в туалет – от него. От него вообще все беды в самолете. Когда стакан предательски выпрыгивает из рук стюардессы прямо на пассажира (если ему, конечно, повезло, и в стакане не горячий кофе), то это непременно ТОМАТНЫЙ сок. И обескураженный пассажир выглядит как после нелегкой встречи с ма-няком-мясорубом. Так и хочется бедолагу посолить, поперчить, кубик льда, и дольку лимона.

Так вот этот враг томатный всегда первый заканчивается на борту, пьют его с чрезмерным удовольствием и аппетитом. Может, обратиться к руководству компании с просьбой заменить его... ну скажем, на персиковый?

Дели

Мне повезло – у меня есть тетка. Вернее, мне повезло тройне, у меня их три. И каждая – отдельный герой для романа, каждая сыграла свою немалую роль в моем воспитании. Но тетя Люся – это для человек, подаривший мне любовь к Азии, Мечту. Сама не раз покорившая горы Непала, она своей любовью зародила во мне тягу к Востоку, от нее я узнала имена: Рерих, Блаватская. И ничто не способно так пробудить меня к жизни, как обычные слова: «Азия», «Тибет», «Буддизм». До сих пор есть у меня некоторое сожаление о том, что училась я не в том ВУЗе, но иначе, уверена, не была бы я сейчас там, где есть. А это место в жизни меня чрезвычайно устраивает, и жаловаться – грех.

Как только я стала летать в длинные командировки, я, конечно, в связи со своей тягой к древним тайнам, мечтала попасть в Дели. Для меня это всегда была, так сказать, – хрустальная мечта моего детства. Но, как назло, меня туда не ставили категорически. Долго не ставили, и вот случилось! Долгожданный рейс пришелся как раз... на мой День рожденья. Тем, кто меня знает, не составит труда понять, ЧТО я себе вообразила на этот счет (что это символично и неспроста).

Символично – не то слово. Первый рейс в Дели и первое свое впечатление от него я едва смогу даже описать словами,

опишу общее. Это было жесточайшее разочарование. Сами индусы очень похожи на нас – минимум культуры, максимально грязные туалеты, и судя по рейсу, потребление воды на душу населения самое большое в мире. Обычно, как только ты с напитками доходишь до конца салона, тут же звучит сигнал вызова, подхожу:

– Water, please (воды, пожалуйста).

По неопытности злюсь, но приношу, и тут его сосед рядом говорит, как бы случайно:

– For me too (для меня тоже), – и ты, матерясь, (разве нельзя было сразу сказать, что тебе – тоже), идешь снова за водой.

И именно на Дели я научилась главному принципу экономии сил и нервов. Если после рациона звучит вызов, возьми с собой как минимум два стакана воды, а лучше, сколько сможешь унести.

Однажды, помню, дзинь – вызов. Беру воду, иду, но ее держу за спиной (чтобы другие не заразились «жаждой»), не показываю. Индус в чалме мне жалобно так хрипит, будто только из пустыни вышел и будто мы две минуты назад не поили всех соками: вотер плиз. А я как маг – чародей из-за спины воду – а на тебе. А его сосед справа, умирающе – фор ми – туу, а я и ему – на. Глаза у них вылезли прямо на чалму. Тот, что «только что из пустыни», поправляя глаза, по-английски спрашивает:

– А как вы догадались, чего я захочу?

А я ему скромно:

– Это моя работа! – и триумфально удаляюсь.

А еще на этом рейсе всегда присутствует, мягко говоря, «геморрой» с питанием – в смысле тяжело накормить пассажиров. ЭТО они не едят, а ЭТО едят, но не так, или не сегодня, а «найдите еще какой-нибудь еды, только СТРОГО вегетарианской и ПОБОЛЬШЕ, а то я голодный!» Вах! В первый мой рейс в Дели все мое восторженное настроение, и предвкушение Индии улетучилось еще где-то над Уралом.

Когда я впервые открыла свою дверь в самолете для стыковки с телетрапом, о Боже! Мне показалось, что отбросило меня к другому борту.

Если туман пропитать насквозь запахом от курительных палочек, добавить МНОГО влажности, пот сотен людей, разбавить пьянящим ароматом цветущих тропических деревьев и для оттенка чего-то совсем неназываемого, то получится аромат Индии. Причем, достаточно открыть одну всего лишь дверь, и весь самолет, вся одежда за минуту пропитывается им, и долго потом не выветривается – не отстирывается.

Но, что самое странное, сначала этот запах отталкивает, хочется его «вынюхнуть», потом завораживает, потом, кажется, что жить без него не можешь, что снова и снова хочешь окунуться в него как в ванну... Спросить любого бортпроводника про ассоциации с Дели, первое, что он скажет –

запах.

Душная влажность, пробки на дорогах даже ночью (из — за жары днем передвигаются только наиболее выносливые, основной трафик происходит ночью) под оглушающий рев клаксонов. Сигналят все без перерыва (плевать на ночь!), как будто у всех водителей в машине вырастает третья рука, специально для нажатия на клаксон. У всех длинномеров сзади так и написано по-английски «Please, horn!» дословно «пожалуйста, гудите!». Кстати, мой маленький сын вместо: «давай пойдем будить папу», говорит «гудить». Так вот, мне пришло на ум, что индусы, боясь заснуть за рулем, тоже этой своей надписью просят — «Ну, пожалуйста, Гудите меня, Гудите!».

Трафик в Дели— это модель броуновского движения. Каким богам они молятся, чтобы не врезаться, не знаю. Лично я забываю обо всем, когда меня везут в этом городе куда-нибудь. Я обреченно смотрю в окно и понимаю, что у меня просто нет будущего, нет прошлого, есть только **ЗДЕСЬ** и **СЕЙЧАС** (нигде острее я это состояние не испытывала). Вот так тупо смотрю в окно и вижу в ответ такие же по содер­жательности взгляды лежащих на дороге коров, у которых шансов на жизнь здесь куда больше, чем у меня, — их **ОСТОРОЖНО** объезжают. Кстати, видели бы вы тех коров! У них в глазах вся скорбь индийского народа. Я бы тоже ста-

ла вегетарианцем.

Однажды видела из окна нашего автобуса высший пилотаж вождения. Девушка в сари, брови – в нос, в носу серьга, ведет машину, чудовищная пробка, она умудряется рулить, притираться к другим машинам, оттеснять моторикш, в руках у нее помимо руля два телефона, и ОБЕИМИ руками она в них что-то непрерывно пишет! Со стороны даже складывается впечатление, что пишет она самой себе, ну так, ради забавы, с телефона на телефон. Делает она это так виртуозно: брови ее выразительно шевелятся, колечко в носу весело пляшет, блески на сари отражают мириады солнечных зайцев. А ведь надо еще постоянно сигналить, иначе тебя не заметят другие участники движения (и перестанут уважать)!

Потом как-нибудь отдельно поделюсь впечатлениями о езде на моторикшах. Главное, предупредили меня летчики, не садись, если видишь, что они что-то жуют. Это такая трава, они ее жуют, чтобы спастись от голода, и дуреют (не знаю уж от голода или от травы), и могут ТАК тебя потерять, что и сами не вспомнят потом, куда тебя дели в этом Дели.

Вообще, экипажу в каждом аэропорту командировки выдается памятка, где выделены особенности страны пребывания, что и как можно, что нельзя, телефоны представителя и консула, которым следует немедленно звонить, если что-

то случилось.

Памятка в Дели гласит: «Запрещается покидать гостиницу без разрешения командира воздушного судна и СТРОГО запрещается посещение общественных мест женщинам без сопровождения мужчин». Ага, как же! Забыли спросить! Только они нас и видели!

А на рынок!? А куртка-сумка-кошелек? А золотая лавка?! А серебряная? А как же чай и аптека?! Да вы что?! У всех еще в Москве приготовлены списки на Дели. А если впереди праздники, то списки смахивают на рулон обоев. И никакая сила, никакая угроза терактов или нападения, ограбления, землетрясения и цунами не остановят отечественную стюардессу, особенно, если она зарабатывала на хлеб с маслом еще при Советском Союзе. Поэтому второе слово, которое назовет бортпроводник в ассоциации с Дели, будет волшебное слово «Акбар». Уже по прилету, по дороге из аэропорта в отель это слово звучит раз двадцать: кто поедет на Акбар (глупый вопрос), во сколько поедет, что надо взять на Акбаре.

Акбар – это местный многоязычный рынок, который кормит нас, но в основном его кормим мы. На местном языке оно звучит как Яшван плейс, не ведаю, почему стало для нас Акбаром. Там нас ждут каждый день, как манну небесную,

потому что там оставляют немалые деньги все русскоговорящие, и не только, люди, благо недалеко элитный район, где обосновались посольства разных стран и дорогие гостиницы. Этот известный рынок даже фигурировал в наших новостях: один раз его посещал наш президент (правда), а второй раз – из-за очередного теракта. Но русского человека напугать терактом или уж тем более, президентом, я вас умоляю!

И каждое утро (самолеты наши приходят каждую ночь) мы в разном составе там ровно в одиннадцать утра разворачиваем свои затертые до дыр списки. Хотя, знаю по себе, они все время практически одинаковые. Начинаем наш маршрут.

Первым делом к Максусу. Макс – это веселый добродушный индус, учившийся в Советском Союзе, легко болтающий на русском языке и выдающий иногда на нем такие перлы, что хоть записывай! Он легко и метко вставляет фразы из советского кино, анекдоты, может ругнуться слегка так, в общем – заслушаешься. У него меняем деньги, попутно он продает нам куртки, обмениваем то, что было взято неудачно в прошлый раз. Он помнит нас всех по именам, кто что брал, кому и почему. С ним потрясающе интересно торговаться и без покупки от него не уйдешь – он просто виртуозно продает тебе совершенно ненужную в твоём гардеробе 125-ю куртку и к ней еще вот эту супермодную сумку. Попутно

спросит, как детки, как муж.

Потом, когда пройдешь по паре – тройке лавок и станешь похож на вьючное животное, несешь все к Максy, сваливаешь в углу, он пошлет мальчишку за холодным пивом или колой. И ты, освежившись и насладившись беседой с ним, можешь идти дальше, спокойно оставив покупки у него. И закупив все необходимое, в итоге завершаешь круг тоже у Макса. И тогда его мальчик поможет дотащить твои тюки до такси.

Особо сильные духом и ненасытные едут на Грин Базар, который красиво звучит как Сараджина маркет. Это для тех, кто любит экзотику погорячее, в прямом смысле слова – на улице примерно около 40 градусов... в тени. Здесь настоящий восточный базар, где отовариваются местные жители и можно найти черта лысого, по рублю за пучок.

Очень грязно, очень сильные запахи, очень много людей, не всегда чистых и очень много чего есть интересного. Главное – держи крепче кошелек, старайся поменьше что-либо трогать, и почаще протирать руки гигиеническими салфетками. Смотри под ноги, чтобы не наступить на что – то жуткое. Ну и не одурей от пекла и обилия товаров.

Через 20 минут начинаешь понимать, что сандалии лип-

нут к асфальту, а к тебе липнут нищие попрошайки, что ЗДЕСЬ ты уже проходила и пора, пожалуй, валить, пока не хватил удар: если не от солнца, так от жадности, потому что все, что ты здесь хочешь, унести за раз – нереально. Потом в гостинице в шоке перебираешь сумки с добычей и думаешь: Господи, а это еще что такое? И кому, и зачем я это купила?

Кстати, как бы ни был этот рынок ужасен своим колоритом (куча убогих, ползущих за тобой; дети, клячущие милостыню и дергающие за руки; вонь, мусор под ногами; товар, сваленный прямо на земле), когда в какой – то лавчонке парень – продавец достал пыльную машинку для прокатывания кредиток, и с легкостью чиркнул по ней карточкой, я обалдела, так не вязалась эта вещь с окружающим антуражем и вспомнила наш рынок, ну так – для контраста. У нас, например, на борту не все стюардессы умеют пользоваться этой машинкой и сразу в испуге говорят: «Нет, нет! Мы карточки не принимаем!».

Индия – это холера, бегущая за тобой, наступающая тебе на пятки, следящая за тем, когда ты расслабишься, а она тебя – цап! Даже в пятизвездочных отелях зубы чистим водой из бутылки, осторожно едим в ресторане, – только то, что прошло термообработку, руки моем, даже если нам кажется, что ничего не трогали. У индусов есть правило правой руки:

правая рука строго для еды, все остальное делаем левой, открываем дверь, читаем газету, ковыряем в носу – исключительно левой рукой! К этому они приучены с детства.

Не раз были случаи, что привозили оттуда холеру. Не далее, как в этом году нам на занятиях по «медицине» рассказывали случай, девочка, наша стюардесса, занемогла еще в Дели. Не могла, извините, от туалета отойти. Кое-как долетела, и вместо того, чтобы тут же заподозрить неладное и спешно звонить в медцентр, а такова инструкция, она умудрилась через день продолжающегося такого состояния слетать в Париж, после чего ей совсем поплохело. Оказалось, потом, что проделывала она это все вместе с холерой, сидящей в организме. Итог таков – обе бригады: Делийскую и Парижскую, вызывали сдавать анализы. Ну и зачем так подставлять?

И все равно командировка в Дели всегда желанна и встречается с радостью. Просто нельзя тут расслабляться, все время надо быть начеку, что называется в струе. А опытный бортпроводник, прежде чем ступить на индийскую землю, возьмет с собой из самолета побольше бутилированной воды и гигиенических салфеток (или еще чего покрепче).

К тому, что нельзя расслабляться. Однажды в отеле из – под раковины прямо на меня, извиняюсь, сидящую на уни-

тазе, вылезла огромная ящерица, и уставилась стеклянными глазами. Любовалась мной она недолго, так как через секунду я вылетела оттуда как небольшой, но очень громкий «Конкорд». Я взлетела на кровать и с нее стала судорожно набирать номер ресепшн. Забыв от страха весь английский, я самозабвенно вопила в трубку: Ай ниид хэлп! Ай ниид хэлп!! Ай ниид мэн!

И хотя я просила, как мне кажется, мужчину, «хэлп» материализовался в дверях в виде хрупкой женщины в сари (мне пришлось себя перебороть и слезть с кровати, чтобы открыть дверь). На вопрос чего я так ору, я не могла толком ничего объяснить ей даже по-русски, а лишь тыкала пальцем под раковину и изображала рукой ящерицу. Ей моя пантомима видимо быстро надоела и откуда – то из складок сари она извлекла изящную такую рацию размером с меня.

В нее быстро сказала абракадабру, рация ругнулась ей в ответ тем же, и через 10 секунд (для медлительных индусов просто реактивная скорость!) за ее спиной вырос гигант в черном костюме и белой чалме с теннисной ракеткой в руках.

Меня жестами отослали обратно на кровать и минут через пять, постучав усердно в ванной, будто играя в теннис, оба явились предо мной как «двое из ларца, одинаковых с лица». В руках у мужчины была все та же ракетка, к которой стран-

ным образом прилипла гигантских размеров ящерица. Они радостно помахали ей у меня перед носом, мол, все, мадам, слезай с кровати, и столь же радостно удалились без единого «сорри» за беспокойство.

Я еще долго стояла на кровати и озиралась вокруг и прислушивалась к шорохам, ну не люблю я все ползающее. С тех пор в ванну в Дели захожу осторожно, громко топая еще на пороге, даю время всем из нее уйти, а когда моюсь – пою, громко и, по-моему, так уныло, чтобы ни одной твари не хотелось меня больше навещать.

Еще одна отличительная особенность этого рейса в том, что обратно пассажиры вне зависимости от национальности, похожи друг на друга: они все как будто, даже не знаю... как будто обкуренные. Не хочу их обидеть, но впечатление именно такое. Туго соображают, медленно говорят, причина тому жара или всеобщая индийская медлительность или вегетарианская пища. Но только замечала это не я одна. Они странно выглядят и странно пахнут. И странно смотрят (отвлеченно) и даже странно спят. Блин, и все же я им иногда завидую, этой их отстраненности, мне кажется, они узнали то, что я всегда мечтала узнать. И у нас с ними происходит такой диссонанс энергии, ну полное взаимонепонимание. Единственное, что спасает нас всех от конфликтов то, что обратно летим ночью, и все спят. Тихо.

Еще много можно рассказать, отдельно-про Делийскую таможню. Но сколько бы ни было странностей у этого рейса, этой страны и ее обитателей, знаю одно – я люблю этот рейс и всегда ему рада. Помню, долго меня не ставили туда, я откровенно скучала, и вот иду утром на рейс по Шереметьево, а навстречу мне самый настоящий индус в чалме или как там у них это называется. Вот я его вижу, и чуть ли не рукой ему машу, а в душе кричу как родному: индус, эй, индус, инду-усик!! Для меня это хороший знак, что я его увидела, значит, скоро меня ждет город контрастов – Дели

Гавана

Завтра в Гавану. Я там была еще на Ил-96, 6 лет назад. Целых четыре дня. Это была очень желанная и самая моя далекая командировка. Что запомнилось? Была отличная бригада с отличным инструктором. Потрясающе белый мелкий песок, горячее море, и море пинаколады! Инструктор собрал нас на экскурсию по старой Гаване, которую он сам отлично знал. Мы взяли такси, которое выглядело как в старом гангстерском фильме, шикарное ретро, что оказалось на этом острове в порядке вещей.

Мы объездили весь город и узнали кучу интересного, из чего сейчас я смутно помню что-то про набережную, на которой все целуются, и про американское посольство, которое из вредности обходят по другой стороне улицы. Мы, конечно, зашли в знаменитую «Бодегиту», бар, где любил бывать Хемингуэй. Послушали на площади грустные песни. И еще помню какой-то отель в центре, куда мы заглянули посмотреть на номер, где всегда останавливался Аль Капоне. Вот и все мои скудные познания о Гаване.

Еще помню ощущение, что ты совершил скачок во времени-назад в СССР. Все какое-то «совковое», коммунистическое. Все время думаешь, что за тобой кто-то наблюдает.

Но самое главное впечатление, которое и сейчас живо: неопишуемая бедность и нищета... и сами люди, танцующие и поющие везде и всюду, я не преувеличиваю, ВЕЗДЕ! Прямо на улице, по дороге на работу, в школу, в поле, у магазина. Как будто у всех по приказу Великого Команданте («танцевать, теща!») в уши вставлены наушники, а в плеере звучит самба, румба и ча-ча-ча. Невозможно устоять на месте!

Кубинские женщины, в любом возрасте – не оторвать глаз! Она идет, а попа ее выписывает ТАКОЕ, что, кажется, вот-вот оторвется и упрыгает как мячик, ну как они это делают?! Она как бы существует отдельно от своей пятой точки. Мне даже пришло в голову, что в названии Остров Свободы забыли прибавить слово «попы». Остров Свободы Попы.

Завтра посмотрим, как там чего? Что изменилось? Надеюсь, осталась хотя бы пинаколада и песок. Летим на сутки, и уже известно, что с задержкой, дотащим ли свою дряблую по сравнению с кубинками попу до пляжа?

Гавана. 6 лет спустя

13 часов 50 минут в пути. Спасибо Аэробусу 330, в котором есть развлечения для пассажиров. Как раньше ходили на ИЛ-96, – ума не приложу? Одуреешь. Мы хоть работаем, время идет, а бедные пассажиры (это мы их так называем между собой по-испански)? Конечно, пытаются пить (и пьют), конечно, пытаемся контролировать, но русский человек, если захочет выпить, найдет способ сделать это. Весь рейс ходим по лезвию ножа. В любой момент критическая масса может сорваться в смертельную лавину. Сколько было случаев, что самолет садился где-то посреди маршрута, для высадки или принятия мер. Не понимают. Не понимают, что на такой высоте рюмка – за две, и срыв неизбежен.

У одних еще до взлета замечаю стаканы и целый лимон (интересно, без ножа они его кусать будут по очереди или занюхивать?!).

«А мы, – говорят, – потихоньку будем пить». «Ну уж нет, – отвечаю, – мы не будем играть в эти игры, ставки слишком высоки... для вас». Не доходит. Объясняю подробно, сколько в долларах стоит незапланированная посадка в промежуточном аэропорту. Вроде (видно, еще трезвые) их впечатляет. Для большей убедительности перевожу цифру в рубли. Но сколько их, таких, еще в самолете? Где-то человек

100 из 200. Как уследить за всеми?

Ладно, полетели. С Богом.

Вот группа молодых парней, моего возраста. Сидят, громко смеются, провоцируют, включают на весь салон музыку. Мы прекрасно понимаем, судя по их состоянию, по количеству запрошенной колы, что они пьют втихаря, но поймать не можем. Смотрим в оба, они опасны. Человек, когда пьет в компании, очень смелеет, а их четверо, и каждый думает, что его много! Бросают мусор прямо на пол перед собой! Где же ваше воспитание? Так и хочется спросить: дома тоже на пол бросаете? Бедные ваши мамы и жены... Я еле сдерживаюсь и понимаю, что меня к ним уже нельзя пускать, я для них – зажигательная смесь, а им, скучно – аж жуть, и страсть как хочется зажигать.

Я профессионал, я не пойду к ним, раз во мне уже кипят эмоции, я прошу ребят. Хотя три замечания я им успела сделать, достаточно громко, чтобы слышали другие пассажиры, и не писали потом, что экипаж не реагировал. Мы все видим.

Вроде, все допили. Спят. Передышка. Потом будет тяжелое похмелье, и «пить», «пить»!

Есть время посмотреть в иллюминатор. Летим над Америкой, над самым побережьем. Красиво, огни большого города. Справа от нас гроза, молнии сверкают каждые 3—5 се-

кунд, очень близко, озаряя светом все небо. Даже немного страшно, потом узнаем, что видели в океане зарождение урагана Айрин... Но вот виднеется вдалеке наш остров. Буэнос-Айрес, Куба! Долетели.

В отель заехали ночью. Темно и жутковато. Селят по — одному в бунгало. Первый раз хотелось бы жить с кем-то. Всюду что-то шуршит, копошится. Боюсь «встретить» кукарачу. Номер большой, состоит из гостиной и спальни, убранство так себе, но есть хотя бы кондей и телек. Тоскливо и хочется домой. Засыпая, оставляю свет на веранде. Утром обхожу свои владения. Ни одноГО (или ни одНОЙ?) кукарачи не обнаружено. Интересно, кукарача — это он или она? При свете солнца как — то уютнее и спокойнее. Идея отеля отличная. Множество двухэтажных коттеджей (слово «бунгало» им не идет), в колониальном стиле, каждый со своей верандой, выходящей к бассейну. А бассейн в свою очередь сделан в виде канала, и тянется вдоль всех домиков. Пальмы, цветы, много зелени и тени. Пожалуй, мне уже начинает нравиться...

Я бы не стала про него писать, если бы не его грусть. Как скальпель... Я только налила себе ароматного кофе в ресторане за завтраком, и несла за свой столик, как вдруг заиграла тихая музыка. Я даже не поняла сначала, откуда она идет, и в замешательстве, ну прямо, как Пьер Ришар в комедии,

наступила случайно в какую-то искусственную насыпь, слушающую элементом декора.

Посреди ресторана стоял старик с аккордеоном, никем не замеченный, пока он не заиграл. Живая музыка за завтраком? Такое вижу впервые.

Он стоял лицом к морю и ему одному играл тихо свои грустные песни. Конечно, там было и «Беса ме мучо» и еще что-то такое же пронзительное. Казалось, он никого не замечает и только море, плещущееся в его глазах, было его единственным слушателем. Он чуть шевелил губами, как бы подпевая своей мелодии, ей-Богу, так захотелось поплакать. Захотелось отнести ему свою чашку кофе и вот так запросто заговорить с ним по-испански (ну почему не выучила?!). Расспросить про его грусть. Уверена, его рассказа хватило бы не на одну книгу. И очень стало обидно за него, что он стоит здесь и плачет свою бессловесную музыку, а все проходят мимо, гремят тарелками, вилками, разговаривают и жуют свои круассаны.

И еще обиднее за себя. Что так и не научилась говорить по-испански, а даже если бы и умела, не подошла бы и все равно не узнала причину его неизбывной тоски. Обидно, что, сколько ни училась музыке, не способна так печально и пронзительно играть, не способна в ком-то рождать такие

эмоции... Все-мимо...

К кофе я так и не притронулась. Вот такая она, Куба, музыкой как хирург, вскрыла старые раны.

Назад

Обратно лететь совсем тяжело. Битком самолет; поспать перед рейсом не удалось, а впереди – целая ночь. Все какие-то нервные, голодные, еще (вот блин!) что-то с видеосистемой, все время глючит мониторы. Одна девушка, ей монитор «перезагружали» раз пять, ноет и ноет: «Я выбрала, вашу авиакомпанию только из – за видеосистемы на борту, – раздраженно скулит она, – что я, зря платила, сделайте же что-нибудь!?!». Так и хочется ответить: «Что сделать? Остановить самолет? Посадить его в океане и вызвать техника?!» ну почему люди не понимают, что это АВИАЦИЯ!

«Мой ребенок не ест рыбу! Принесите мясо!». Рядом сидит «ребенок», ему на вид – пора в армию. Я видела, как они заходили, мама, сын, бабушка. Они уже были взвинченные: спорили сесть им у окна или нет? Обе женщины пытались понукать своим «ребенком», а он, понятное дело, всячески этому сопротивлялся. Он выиграл, напряжение осталось. Но потом я упустила их из виду и естественно, конфликт состоялся (напряжение —то надо сбросить), им не хватило мяса при раздаче рациона.

Как назло, мяса не оказалось нигде: ни в бизнес-классе, ни у экипажа. Принесли что было, а было что-то вегетарианское. «Вы оставили моего ребенка голодным!». Дальше

визг и ультразвук, они, наконец, сплотились, даже «ребенок» удачно хамил и огрызался уже теперь на нас. Мы с напарницей старались сгладить углы как могли. Но когда она нас спросила: «Вы где работаете?», мы даже растерялись. Девочка смотрит удивленно на меня, мол, ты тоже это слышала? и говорит терпеливо: «Мы работаем в этой компании».

«Нет, я спрашиваю – где? В каком отделе?». Ну, тут все ясно, маразм крепчал. Наш «отдел» – самолеты, если кому не ясно. «Вы не будете здесь больше работать, прямо завтра!».

Если бы вы знали, как часто мы слышим эти слова, – одновременно подумали мы.

«И что у вас за духи, я не хочу, чтобы вы меня обслуживали!», – говорит она моей напарнице. Удаляемся.

На кухне делимся впечатлениями. Не надо быть психологом, чтобы понять – просто их семье явно не хватает твердой мужской руки. Бедолага либо от них ушел давным-давно, либо они своими воплями и истериками его довели до мира иного, где ему стало полегче. Самый прикол в том, что своим воспитанием они губят в корне мужика и в своем «ребенке», видно, что он их обеих просто не выносит, в глазах его – «ДОСТАЛИ!». Бог им судья. А мы проглотили обиду и работаем дальше.

У девочки через час полета на другом конце самолета

спросили, как называются ее классные духи, и есть ли такие в продаже на борту.

Девушка с зелеными глазами

Раньше я старалась не особо общаться с пассажирами, не очень деликатные вопросы типа: «А сколько вы получаете?», «Ой, бедные! Вы сейчас СРАЗУ обратно полетите (рейс в ту же Гавану, 12 часов)», или «Дайте мне плед, а то тут из двери дует!» (при полной герметизации самолета), ну и всякое такое. Короче, если вы видели стюардессу, что сквозь зубы отвечала на эти вопросы, а потом резко куда-нибудь исчезала, или утыкалась носом в газету, давая понять – я занята, уйди, то это была, скорее всего, я.

А тут меня как переключило, я поняла, если быть более терпеливой, то можно у людей узнать кучу интересной и полезной информации, и мне стало интересно – куда и зачем они летят, какая у них жизнь, в общем, я стала общаться, и люди потянулись ко мне.

Летя с Кубы, разговорилась с девушкой или женщиной, уж не знаю. Она просто пришла на заднюю кухню и попросила воды. И что-то в ней было такое, что впервые помогло мне поинтересоваться – куда она, кто она? У нее были очень красивые зеленые глаза. Она по профессии гид и всю жизнь жила в странах Карибского бассейна, но однажды, сойдя с самолета на Кубинскую землю, влюбилась в нее и теперь живет

там. У нее я узнала, что же так манит туда туристов, что там есть интересного, как живется на Кубе.

Живется трудно. Бедность, безработица. Интернет только в отелях и лишь для иностранцев (по паспорту), шесть долларов в час и скорость – жуть!

А что хорошего? – Потрясающе мягкий климат. Интересный менталитет. Ну и как она сказала, просто трудно передать словами. Она полюбила там танцевать (охотно верю, там разве что мертвый не запляшет). Встретила любимого мужчину, пожалуй, с этого и надо было начинать, на этом можно было и остановиться. Планирует остаться там навсегда. Она вынуждена по делам лететь в Москву и с ужасом думает о пробках, холоде и о толпах серых людей.

А какие там люди? Люди, как и везде – разные, есть подонки, а есть и прекрасные душой. Среди русских, живущих на Кубе, а их там немало – в основном конкуренция в плане работы, поэтому русские друг от друга отворачиваются, сторонятся. И есть еще много нюансов. Но я для себя поняла – на Кубе я бы жить не смогла, не очень – то это свободный остров в моем понимании...

Опять хочу в Париж

Был недавно со мной случай такой. Еду в медцентр через Белорусский вокзал. Вижу рекламу – «новый поезд Москва-Ницца». Загорелась, замечталась: вот было бы классно на поезде до Ниццы, там взять машину и по всей Франции до города, как говорится, до Парижу. Перефразируя классика: «Париж! Как много в этом слове для сердца русского слилось!». Погулять по нему и на самолет! Вот так сразу (я едва успела дойти до метро) мое воображение нарисовало яркую картину.

Вечером я залезла в интернет почитать об этом чудесном поезде, про гостиницы в Ницце, про аренду машин. Рассказала мужу про свою идею, поделилась с отцом, тоже всю жизнь мечтавшем о Париже, они с удовольствием подключились к мечтаниям. Всклобоченная всем этим, кое – как уснула, на завтра надо было в рейс, в Питер.

Утром еще до будильника звонок на мобильный. Диспетчерская.

– Мариночка, – пропел сладкий голос, он всегда сладкий, когда ему от меня что-то нужно – вы сегодня не летите в Питер, туда пойдет другой борт, а вас переставили (шуршание, пауза) на вечерний Париж.

Аплодисменты, занавес.

Мысль материальна – буду осторожна.

Про юмор на борту

Без него в нашей профессии, да и в любой, наверное, никак нельзя, а то с ума сойдешь.

Моя любимая байка:

Салон бизнес класса. Респектабельный мужчина в костюме вызывает стюардессу. К нему подходит такой прожженный жизнью проводник, смотрит на него сверху вниз, мол, ну, чего тебе надобно, старче?

– Вы знаете, – начинает господин, – со мной вот тут такой казус случился, – немного смущенно говорит он, – я свои очки уронил в эээ... унитаза.

Нашего бортпроводника смутить невозможно, его ответ был прост:

– А какого же хрена ты там разглядывал?!

Человек и пароход

Летим, уж не помню, в какую-то Германию, то ли в Дюссельдорф, то ли в Гамбург, я с немецким языком, сижу в хвосте и читаю информацию по—русски и по—немецки. Есть там такие слова: «Желаем Вам приятного полета на борту нашего аэробуса, который назван в честь такого – то» перед рейсом всегда узнаешь имя самолета и вставляешь его в эту фразу.

Вот я сосредоточенно читаю:

«Желаем вам приятного полета на борту нашего аэробуса, который назван в честь великого путешественника Ивана Федоровича Крузенштерна»...

– Иван Федорович Крузенштерн. Человек и пароход! – голосом Печкина из Простоквашино завершает громкий бас в салоне.

По-немецки читать эту фразу уже не было смысла, потому как хохот в салоне стоял такой, что я саму себя не слышала. Да, любит наш народ советские мультики. Теперь, когда вижу самолет с этим именем на борту, сразу вспоминаю тот случай и улыбаюсь.

Быль-байка

Наша стюардесса летит в отпуск на самолете другой российской авиакомпании. Рядом с ней происходит следующий диалог, который потом, благодаря ей, передается из уст в уста.

Пассажир просит у стюардессы (работающей):

– Принесите плед.

Потом:

– Дайте подушку.

Еще через 15 минут:

– А можно соку?

Стюардесса начинает выходить из себя и на лице ее рисуются недобрые мысли.

– А что у вас лицо такое недовольное? – пассажир явно нарываяется.

Девушка нагибается и медленно, с выражением отвечает:

– Мужчина, что вам надо от меня? Если хотите, чтобы вас в жопу целовали, летайте с «Аэрофлотом»!

На Берлин!

Когда сидишь дома, например, неделю, то еще не успеваешь соскучиться по работе. И так не хочется выходить, так трудно, что организм даже заболевает и кашляет и чихает, и заливаает платки соплями. И зарекалась ведь не летать с насморком, потому что знаю – это адски больно, уши рвет на снижении, приходится держать обеими руками голову, чтобы не взорвалась от боли. Все знаю, проходила, зарекалась, но все равно иду. Потому что потом ничего не получу в зарплату, и мне припомнят больничные дни, что потом придется ехать, закрывать больничный лист у отрядного врача. Когда хочется взять больничный лист, я вспоминаю и представляю все это. И иду на работу.

Но не только тело не хочет работать, машина тоже объявляет мне бойкот – молчит, не дышит. Бегу, матерясь, на электричку. И что ж! это даже бодрит – благо тепло и солнце, и время позволяет. В таком способе есть свои положительные моменты, утешаю я себя: можно почитать журнал и пробок не боишься, опять же если... тепло и солнце, и время позволяет.

По дороге с электрички на автобус встречаю нашего летчика, я не знаю его или не помню, но мы оба в форме и весе-

ло приветствуем друг друга. Это в аэропорту, где нас много, мы можем не поздороваться, пройти мимо, по крайней мере, я могу. Но здесь, на пустой дороге, – не вежливо. И самое главное, мне становится еще веселее от мысли, что не одна я тащусь на работу пешком, вон летчик, небось, получает достаточно, чтобы ехать на такси, а нет, своим ходом шагает! И бодро ускоряю темп.

Вот в автобусе напротив меня нервничают двое пожилых людей. Боятся, что проедут аэропорт, что опоздают на самолет. Я успокаиваю их, спрашиваю, во сколько вылет, объясняю, что они все успеют, что аэропорт уже близок. И не потому, что я стюардесса, и мне положено по должностной инструкции поддерживать имидж компании, а просто представила моих бабушек и дедушек на их месте, в этом большом городе, и мне захотелось хоть как – то им помочь. Нет, я не всегда такая добрая, просто настроение хорошее.

В аэропорту случайно встречаю знакомого водителя Васю, с которым работал муж, собственно через мужа он меня и помнит, а я, спасибо моей «антипамяти» на лица, прошла бы мимо, не узнав. Но он еще издалека машет мне рукой, приходится подойти. И подходя к нему, я почти физически ощущаю, что я снова на своем месте, что мне нравится вариться во всей авиационной этой каше, что я тут уже своя, я понимаю, ЧТО здесь происходит. Меня здесь узна-

Ют, во мне нуждаются! Ура! Рев самолетов, запах керосина, здравствуй, работа! Как хорошо, что не взяла больничный... Привет, Вася!

Лететь в Берлин. Крайний раз летала туда 9-го мая. Тогда на доске, где все бригадиры пишут номер рейса и комнату, где будет разбор, была жирная надпись: НА БЕРЛИН! – комната №1. И

Сегодня организм не прощает пренебрежительного отношения к себе и фыркает, закладывая уши, мол, посмотрим, как ты бодро будешь работать «без ушей». В итоге работаю плохо, ничего не слышу, в ушах стреляет, пытаюсь скрыть боль. Пока не вскрикиваю случайно. Девочка, что со мной работает, видя мои страдания, тут же открывает бутылку водки и дает мне ватку:

– Вставь в уши, и сиди на кухне.

Спиртовые беруши немного помогли.

А на посадке я чуть не взвыла и в сотый раз поклялась взять завтра больничный и не летать больше с насморком. Мне казалось, что голова моя – шарик, который надувают, и глаза лезут из орбит, и сейчас где-то в районе ушей я лопну двумя дырками. Взорвусь и сдуюсь. Любовь к работе сменяет жалость к себе...

Слава Богу, садимся. Рейс окончен, меня больше не надувают. Осталось добраться до дома, вот блин! – своим ходом!

И тут я вижу людей, ожидающих служебный автобус, и меня осеняет. Когда не было машины, я ведь тоже ездила на служебном автобусе, а сейчас как раз его время. Я прошу водителя взять меня один лишь разочек без проездного, меня – стюардессу без ног и ушей, у которой отказала машина. Я делаю такое жалостливое лицо, как у кота в Шрэке (Ну возьмите меня!) и он идет – таки ради меня против инструкции! И опять, глядя в окно, уже второй раз за день меня посещает мысль – как хорошо, что я теку вместе с этой рекой, и что она держит меня и несет, куда ей одной известно. Неси, неси, мы с тобой одной крови – ты и я. Только бы не болеть.

Про хоккей и авиацию

Я все же напишу об этом. Страшнее будет не написать и остаться с этими мыслями наедине. А если я их передам бумаге – они утратят свою власть надо мной.

Вернулись из Вены. Сели. После крайнего пассажира как обычно налетела группа захвата из уборщиков, техников, бытовиков. И кто – то из них говорит:

– Слышали, самолет упал?

Мы, конечно, летали, не слышали. Первый и самый важный вопрос – наши?! В смысле, чья авиакомпания?

– ЯК – 42, под Ярославлем. Целая хоккейная команда. 2 человека чудом выжили...

...Такие вести нам, причастным к авиации, тяжелы для восприятия, умолкаем.

А в моей памяти всплывает картина. По иронии судьбы, это тоже был рейс в Вену, где-то полгода назад, весной еще, кажется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.